

А.А. Пелипенко

РУССКАЯ СИСТЕМА ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ

О чем поют солдаты, о том и дети спят.

Автор неизвестен

Удачно введенный А. Фурсовым и Ю. Пивоваровым термин «Русская Система» (в дальнейшем – РС), как и многие другие, зажил самостоятельной жизнью. Теперь он помимо историко-публицистических контекстов получил права гражданства также и в контекстах социологических, цивилизационистских, культурологических и даже философских. И это не случайно, поскольку данный термин кратко и точно схватывает самую суть той культурно-исторической целостности, которая при всей пестроте внешних проявлений демонстрирует неизменную воспроизводимость своих структурных оснований. Эвристический потенциал термина РС обусловлен еще и тем, что он в условиях парадигматического кризиса в исследованиях России указывает на возможность системного подхода, основанного на целостном, синтетическом видении культурно-исторической реальности, не разъятой искусственно на традиционные дискурсивные области: социально-политическую, экономическую, военную, культурно-психологическую, религиозную, художественно-эстетическую и т.п.

Авторы термина РС рассматривают последнюю, главным образом, в историко-социологическом ключе. Но что же представляет собой РС в ракурсе более широком – теоретико-культурном? Могут ли что-либо прояснить в ее понимании такие термины, как *большевизм, сталинизм, тоталитаризм, авторитаризм, державность, имперство* и др.? И в чем секрет устойчивости РС, ее воспроизводимости вопреки, казалось бы, всем «практическим доводам» современности?

Как всякое синтетическое явление РС многоаспектна и потому ускользает от кратких академических определений. Это связано, прежде всего, с тем, что РС объединяет в себе два онтологически разных среза бытия: ментальный и социально-исторический. Их синтез порождает определенный тип *исторического субъекта* – носителя специфического культурного сознания. Специфика же его заключается, главным образом, в особом типе мифологизации реальности. (Тот или иной тип мифологизации присущ всякому без исключения типу культурного сознания, даже самому что ни на есть рациональному. Варьируются лишь характер и содержание мифа.) При этом любая современная мифологизация представляет собой достаточно сложную констелляцию из мифологических напласто-

ваний, каждое из которых восходит к тому или иному слою исторического опыта. Подробный анализ исторических и культурно-психологических обстоятельств, сформировавших мифологическую основу РС, увел бы нас слишком далеко от заявленной темы. Кроме того, об этих обстоятельствах уже много написано самыми разными исследователями и в том числе автором этих строк¹. Поэтому обрисую мифологическую амальгаму, составляющую ментальную основу РС в самом кратком схематичном виде.

В глубинной основе всякого мифа лежит страх хаоса (его психическая основа восходит еще к временам антропогенеза), и, соответственно, всякая мифологическая конструкция есть формула его преодоления. (Культура возникает там, где появляется правило [К. Леви-Строс].) Инвариантным психологическим ядром мифообразования здесь выступает комплекс представлений, связанный с *сопричастностью (participationей) к источнику порядка*. В качестве последнего в экзистенциальном переживании человека на разных исторических этапах могут выступать как божественно-мистические силы, так и их сакрализуемые земные проекции и ипостаси – социальные инстанции. В этом смысле РС не изобрела ничего такого, чего бы не было в иных культурных системах: древневосточной, средневековой и др. Специфика лишь в количественно-качественной конфигурации мифологем и ментальных установок вкупе с исторической судьбой этноса-носителя. (К примеру, русским, в отличие от всех остальных, коммунизм никто извне не навязывал.) Как показывает исторический опыт, элементы РС могут устанавливаться поверх самых разнообразных этнокультурных традиций: взглянем на судьбу двух Корей или двух послевоенных Германий. Но ядерное качество РС нигде не воспроизводилось во всей своей полноте, кроме своего первоисточника. Эта оговорка важна, поскольку каждому отдельно взятому элементу РС легко находится аналог: как в историческом прошлом, так и в современности, а на описание любого из них может последовать обиженная реплика: «А у них тоже...!». Верно, у них тоже. Но по-другому, поскольку общая композиция элементов в РС уникальна.

Если РС в сущности своей есть мифологический комплекс, то в ней нельзя искать логики в обычном рационалистическом (европейском) понимании. Соположение отдельных мифологем в границах комплекса подчиняется совершенно иным, нежели логические, закономерностям, а сами эти мифологемы не верифицируются ни здравым смыслом, ни историческим опытом. Психологической осно-

---

¹ Пелипенко А. Восток и Запад: проблема культурогенеза русской ментальности. Российский цивилизационный космос (к 70-летию А. Ахизера). Ч. 2: Россия в контексте мировых культур. М., 1999. С. 203–219; Он же. Россия: за гранью исторического предназначения // Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации, бизнесе: Труды конф. 20–27 сентября 2002 г. Ялта; Гурзуф, 2002; Он же. Печальная диалектика российской цивилизации // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 48–73 и др.

вой ключевых мифологем, лежащих в основе РС, является особый режим установления партиципационных отношений с источником порядка, при котором сознание индивидуума априорно полагает себя как часть по отношению к внеположенному целому. В силу сложной амальгамы культурно-исторических факторов такая установка прочно (если не намертво) закрепляется в народном сознании, определяя исторический генезис форм социального порядка, равно как и структуру ценностей и границы вариативности культурной парадигматики. Порыв к слиянию с чем-то большим, над- и сверхчеловеческим как свойство ментальности, включающей в себя как сознательную, так и бессознательную сферы, превращается в культурно-антропологическую константу, воспроизводящую самое себя наперекор любым индивидуальным и групповым представлениям и убеждениям. Этот, говоря ненаучным языком оккультизма, эгрегор живет самостоятельной жизнью, до известной степени не завися от ментальных настроек субъектов-носителей. Если источник порядка имеет сверхчеловеческое измерение, то он в принципе не может быть инкорпорирован внутрь ментальности субъекта. В его иррациональном величии и непостижимости она просто не способна его вместить. Тем самым *блокируется возможность возникновения источника порядка внутри ментальности самого индивидуума*. И многократно отмеченное стремление к безответственности, уваливанию от выбора, делегирование прав «наверх», умственная лень, «придуривание», бытовой идиотизм, тупое безразличие ко всему и т.д. и т.п. – всего лишь социально-психологические проекции этой глубинной диспозиции. Если индивидуум не имеет источника порядка *внутри*, то он в принципе не способен к развитию в себе *личностного начала*. Путь к самодостаточности и, соответственно, к внутренней свободе для него закрыт. А потому *рабы могут терпеть всё, кроме свободы*, ибо свобода для раба, лишённого внешнего регулятива, оборачивается хаосом. В России, где архаический слой ментальности слишком долго пребывал в состоянии минимально уравновешенном культурой большого общества, страх хаоса превратился в тяжелейший невроз культурного сознания. Речь не идет лишь о внешних, социальных проявлениях хаоса: от варварской «волюшки вольной» до мародерства и погромов. Субъект РС боится, прежде всего, хаоса внутреннего (как у героев А. Островского: «Не заешь ты моего характеру!»), той необузданной стихии раскультуривания, которая, стоит лишь внешней контролирующей инстанции на миг отвернуться, – грозит вырваться наружу. Отсюда и ужас пресловутого «бессмысленного и беспощадного» русского бунта, которым истеричная интеллигенция не устает пугать общество. Но А. Пушкин был неправ: бунт не бывает бессмысленным. Психологическое природнение к хаосу в ходе бунта – это начальный акт ритуального обновления мира. «До основания, а затем...» – самое точное определение психологического режима партиципации в бунте. «Тащи рояль на улицу!» – призывает В. Маяковский. Не важно, что будет исполняться, но главное, «чтоб шум, чтоб гам!».

РС выстроена под «малых сих»: самоактивная, самодостаточная личность здесь всегда маргинальна и подозрительна, а потому безжалостно подавляема. Это вполне объяснимо: личность, имеющая источник порядка *внутри себя*, не испытывает необходимости в источнике внешнем, особенно когда последний жестко навязывает свои репрессивные регуляции. Это, разумеется, не означает, что в отечественной истории не было личностей. Еще как были! Но в РС личностное начало обречено проявлять себя вопреки ее системообразующим характеристикам, вечно плыть против течения (и, к тому же, «в грязной воде» [Е. Лец]), а принцип *творческой самореализации* обречен на подавление навязываемой парадигмой *служения*.

С этим связан важнейший ключевой вывод о том, что глубинные режимы бегства от хаоса на путях установления партиципационных отношений, подобно видовым границам в биологии, разделяют исторические типы ментальности. Между ними нет и *в принципе не может быть* никакого синтеза, паллиатива или консенсуса. И потому идея единых общечеловеческих ценностей – чистейший миф. Когда полемика между сторонниками личностного и антиличностного начал (в случае РС это полемика между «либералами» и «державниками») доходит до рефлексии последних ценностных оснований, то обе стороны выглядят одинаково беспомощно в аргументации своей позиции, ибо становятся на зыбкую почву не прорефлектированных априорных установок. Установки эти, мифологические по своей сути, не могут быть подкреплены или обоснованы какими-либо внешними аргументами, но зато в них живо отзывается душа. В истории же «консенсус» может установиться тогда и *только тогда*, когда одна из парадигм побеждает и подавляет другую и побежденная модель *смирняется со своим погашением*. Так произошло в Западной Европе, где личностная парадигма в три этапа (Ренессанс, Реформация, Просвещение) победила партиципацию к внешнему источнику порядка в виде христианского духовного Абсолюта и его земных социоцентрических проекций и навязала себя *всему* обществу, состоящему, как и всякое другое, мягко говоря, отнюдь не из одних личностей.

В РС подавление личностного начала превращается в один из главных аспектов общественного раскола². По мере удаления от Средневековья, роль личности как ментально-культурного типа неуклонно возрастает, что делает РС всё более неадекватной историческому мейнстриму. В отдельных секторах социальной жизни РС идет на вынужденные уступки, но стоит ей хотя бы немного тактически укрепить свои позиции, как она моментально откаты-

---

² Этот термин, введенный А. Ахиезером, нельзя признать в полной мере удачным, хотя бы ввиду совпадения его с конкретным историческим событием – церковным расколом XVII века. Кроме того, о расколе можно говорить лишь в случае, когда ему предшествует некое состояние целостности, каковой в российской истории никогда не было. Однако, оставив придирки, следует признать, что более точного термина пока не найдено.

вается на рубеж максимально приемлемого для соответствующей исторической ситуации уровня подавления личностного начала. (Удержимся от соблазна поговорить о формах и методах этого подавления. Тема слишком обширна и слишком хорошо знакома читателю.) Неизбывный раскол по самым глубинным ментальным основаниям не только придал отечественной социокультурной системе черты кентавричности (Н. Бердяев). Более того, он сам закрепился в коллективном подсознании как *агресат партиципационных устремлений* и, соответственно, как бессознательная *формула идентичности*. Изуродованное дурной исторической наследственностью сознание не способно жить и мыслить себя вне раскола, вне противостояния априорно отчуждаемому и отторгаемому Иному³. Рудименты мироощущения, основанного на неприятии чужого, ненависти к своему «неправильному» двойнику, – общеантропологическая константа, восходящая еще, по меньшей мере, к архантропам. И тот, кто держит палец на этой кнопке, получает почти универсальные возможности манипулирования массовым сознанием, всякий раз «переводя стрелку» на чужака.

Если в нормально развивающейся системе конструктивные противоречия выступают имманентным источником развития, то в системе, подобной Русской, их место занимают противоречия деструктивные, порождающие, соответственно, *суррогат* такого источника. Российской раскол – и есть такой суррогат. Воспроизводимые им на каждом витке истории противоречия не рожают развития в собственном смысле: бесконечное «перетягивание каната» лишь косвенным образом открывает возможность для динамики в тех или иных секторах общественной жизни. Поэтому развитие в русле общеисторического мейнстрима (не будем отвлекаться на спор с релятивистами) здесь всегда стохастично, бессистемно и, не имея под собой твердой почвы, чревато движением вспять, каковое мы постоянно наблюдаем в многострадальной отечественной истории. Кроме того, раскол проходит и через саму человеческую экзистенцию, порождая расколотое сознание.

Понятие «народ» принято считать ненаучным, и это в целом справедливо: серьезные авторы не пользуются им в социологическом анализе. Однако если понимать народ не как абстрактную сумму индивидуумов и уж тем более не как непросвещенную и неспособную к адекватной рефлексии массу, а как *ситуационную сумму определенных моделей социального поведения*, то понятие *народ* вполне может иметь корректное научное употребление. К примеру, когда некто создает в какой-либо сфере деятельности свой специализированный культурный продукт – слепок его неповторимой индивидуальности, то он проявляет личностное начало. Если же

³ Анализ «конституирующего иного» см.: Neumann Iver B. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. (Ch. 3: Making Europe – the Russian Other). Сам термин введен указанным автором в работе: Russia as Central Europe's Constituting Other // *East European Politics and Societies*. 1993, vol. 7, № 2. P. 349–360.

этот некто в другом секторе своей ментальности и социокультурных практик (например электоральные предпочтения, сопричастность к стереотипам массового поведения и т.п.) мыслит и поступает «как все», то, стало быть, в этом секторе своих проявлений он – часть народа. А сам народ – это, повторим, не сумма индивидуумов, а набор имперсональных программ, сценариев и стереотипов мифообразования и соответствующих им форм социального поведения и других практик. Индивидуумы же являются лишь ситуационными (для многих, впрочем, эта ситуативность заполняет всю жизнь) проводниками, агентами-исполнителями приходящих как бы извне программ. Кстати, смутное осознание этого обстоятельства понуждает стихийную массовую интуицию трактовать образ народа исключительно в метафизической и подчеркнуто имперсональной оптике. Именно в этом качестве народ и присутствует в автореферентном мифе РС.

В действительности же категория «народ» описывает человека толпы, латентно живущего в каждом отдельном индивидууме, то есть это то, что надо из себя выдавить, чтобы стать личностью. У народа «обезьянья душа». Она не помнит того, что было вчера, но зато помнит то, чего вообще не было сто, двести и пятьсот лет назад. Живя сегодняшним днем, она принципиально не способна адекватно осмыслить прошлое и панически боится *исторически конкретного* будущего. Источником, направляющим поведение народа, выступает не интеллект, а психическое поле человеческой массы. Народ можно бесконечно обманывать одними и теми же «дурилками» – главное, чтобы исходили они всякий раз от нового властного субъекта, знаменующего собой ритуальное обновление мира.

МИФОСЕМАНТИКА РУССКОЙ СИСТЕМЫ

Здесь мы подходим к вопросу о том, как понимается источник порядка в РС. В ходе многовекового симбиоза христианско-языческого (в более широком, нежели историко-религиозное значение этих слов) априорная, а потому смутная идея порядка откристаллизовалась в синкретическом мифосемантическом комплексе *Власть / Должное*. Элементы этой пары не связаны между собой ни логической, ни иерархической связью. Не являются они и просто рядоположенными в отношении некоего общего семантического знаменателя. Они представляют собой диффузное соположение (сопряжение) размытых мифологических комплексов, между которыми с легкостью проходит взаимный ситуационный обмен элементами, каждый из которых, в зависимости от контекста, является сознанию то в модальности означающего, то означаемого. Особенность этого чрезвычайно архаичного способа смыслообразования не только в том, что несущей конструкцией картины мира выступают «доминантные символы» в тэрнеровском понимании⁴,

⁴ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 33–34.

но и в том, что здесь, как и на ранней стадии онтогенетического генезиса восприятия / мышления, бессознательное формирование образов подчиняется закону *симметричной семиотики*. Еще П. Рикёр на материале психоанализа⁵ обнаружил, что образы снов обладают формальными свойствами *знаков*, произвольно замещающих и обозначающих друг друга. Так родилась концепция *семиотики образов*, которая, в отличие от классической семиотики знаков, полностью симметрична. Всякий из взаимозамещающих образов может оказаться как в позиции знака, так и в позиции означаемого. Дальнейшие исследования показали, что поскольку почти любое слово языка потенциально многозначно, отбор подходящего значения может осуществляться по способности соответствующего образа замещать / дополнять образы значений контекста.

В мифологии РС Власть и Должное составляют семантическую амальгаму, компоненты которой связаны отношениями взаимодополнения и взаимозамещения: границу между ними невозможно провести в принципе. И даже умирая, этот мифосемантический комплекс не утрачивает в полной мере своего синкретизма.

Власть в РС – это не характеристика политического субъекта и не обозначение соответствующего типа социальных отношений. И даже не сумма первого и второго. Это – категория мистико-космологическая, глубоко сакральная, поскольку по сути своей есть самодовлеющая первопричина всякой культурной упорядоченности. Характерно, что отдельный индивидуум с его субъективной волей во всех контекстах, где речь не идет о *служении*, понимается исключительно как *источник беспорядка*. Даже гений может оцениваться позитивно лишь тогда, когда его субъективность каким-то внешним, формальным и принудительным образом «упакована» в оболочку служения или задним числом осмыслена подобным образом. Выполняя генеральную функцию всеобщего источника внешнего порядка для подвластного, Власть обладает набором устойчиво воспроизводящихся в истории свойств. Она:

– *беспредпосылочна и метафизична*. Она творит самое себя, онтологически довлеет над всем и представляет собой волящую себя волю. Подобно теологическому Абсолюту, она самопричинна и самодостаточна. Власть «истекает» в мир по принципу эманации, уровни которой маркируются иерархическим статусом «государевых людей», парадоксальным образом сочетающих в себе земное, человеческое (подчас, даже слишком человеческое) начало с началом Властным, сакрально-метафизическим. В предельно гротескном виде это качество проявилось в раннем и сталинском большевизме, когда одряхлевший мифотворческий потенциал православной монархии был «освежен» семантикой обожествляемых вождей;

– *обретается вне любых имманентных обществу институтов, отношений и традиций*, потому она пребывает *над законом*. Поскольку сам закон исходит «от власти», а не от общественного договора, то, разумеется, для самой власти закон не писан. Законы

⁵ Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996.

Хаммурапи – не для самого Хаммурапи. Интересно, приходило ли в голову кому-либо из современников проверять на соответствие закону поступки тов. Сталина? Неподсудность Власти, в известном смысле, ключевой момент ее сакрализации в обществе. С каким остервенением система «отмазывает» от наказания своих, даже самых мелких начальников! За преступления против подвластного Власть ненаказуема. (Иное дело – отношения внутри системы.) Тут свои кодексы и табели о рангах. Но к общегражданскому закону это не имеет ни малейшего отношения. И дело здесь не в банальной клановой солидарности; в условиях общей эрозии морали – грош ей цена. Просто если создать прецедент ответственности Власти (почти не важно, какого уровня) перед законом – прощай сакральный статус (со всеми отсюда вытекающими последствиями). Более того, именно через злодеяния Власть верифицирует свой сакральный космологический статус. Если Власть подчиняется земным законам, то она слаба, ущербна и в конечном счете неподлинна, злодеяние же как форма верификации сакрального статуса – отдельная многоаспектная тема;

– *внеморальна*. Как и во всяком доосевом мифологическом комплексе, космологический аспект очевидным образом преобладает над этическим. Последний обнаруживает себя лишь ситуационно, тогда как космология абсолютна и метафизична. Христианство как религия спасения по природе своей эту диспозицию переворачивает: источником порядка становится этическое начало. Однако в русском (и не только) православии мироупорядочивающая роль этического начала либо искажается, сводясь к проповеди смирения, аскетизма и самоуничтожения, либо вовсе отодвигается в сторону. В этом смысле морализаторство коммунистической квазирелигии превозносило те же добродетели, обесценивая остальные перед космизующим волюнтаризмом Власти. («Может ли наша власть обманывать американцев?» – «Может, потому что это *наша* Власть!») Воля сакральной инстанции выше относительных моральных критериев и им не подотчетна. Православие лишь нашло этой ментальной установке оправдание в духе «византийской логики»: «Все, кроме нас, – варвары. У варвара нет морали. Стало быть, моральное поведение с варваром невозможно»;

– *иррациональна*. Когда мы с удивлением замечаем, как человек, назначенный начальником, *мгновенно* теряет способность понимать элементарные вещи, это, как правило, понимается в неких совершено иных, нежели обычная бытовая глупость, обортонах. В этом «начальственном идиотизме» культура акцентирует нечто родственное священному безумию, в котором за оболочкой невежества и самодурства скрывается таинственная и недоступная для простых смертных мудрость. Непостижимость Власти, алогизм ее риторики и вообще любого рода высказываний, иррациональность поведения – ключевой код ее трансцендентности по отношению к имманентному и потому профанному бытовому и историческому опыту. Впрочем, в контексте сопричастности Власти и этот опыт в своем осознании приобретает иррациональные черты. Воля Власти,

как античный фатум или воля христианского Бога, непредсказуема и непостижима. Попытка ее постичь или рационалистически проанализировать – вызов системе. Подавлять подобные вызовы система, впрочем, сейчас уже не в состоянии. Остается лишь высокомерно их игнорировать;

– *персонифицирована*. Помимо двух набивших оскомину общеизвестных русских вопросов, есть и третий – «кто будет делать?». И не докажешь, что внутри РС этот вопрос почти несуществен, ибо *личностей* в системе нет по определению, и значение он имеет лишь в масштабе сиюминутных конъюнктур властных отношений. Парадоксальным образом Власть, будучи в РС универсально персонифицированной, неизменно отторгает личностное начало. Образ Власти предстает как *лицо (имярек) служащее Должному*. Сакрален не человек и даже не трон, но человек, *сидящий на троне*. Стало быть, Власть в РС – это не безличная совокупность властных отношений и даже не субъект власти как таковой. Это *субъект, осуществляющий властные функции*. В извечно наивном вопрошании «кто?» слышится мистическое ожидание чуда *преображения Власти*. Мифологический взгляд тщится углядеть в новой персоне *культурного героя-мессию*, спасающего погрязший во зле и беспорядке мир, который, разумеется, совпадает в своих границах с Россией; остальной мир неисправим вообще. И начинается новый цикл: светлые надежды – обожание (восторженное прославление) – слепое игнорирование несоответствий ожиданий и реальности – разочарование и недовольство – презрение и ненависть – инверсивное поношение. Богатейшим иллюстративным материалом здесь могут послужить судьбы всех российских и советских властителей;

– *амбивалентна*. Исполняя по мере сил свою космологическую функцию, Власть, будучи абсолютно всемогущей и относительно вездесущей, являет себя подвластному в глубоко амбивалентном виде. Она и податель благ, она и источник зла, насилия. И дело здесь куда глубже, чем ненадобность в государстве для локальных сельских миров. Амбивалентность сакральных космологических сил восходит к ранним неолитическим религиям, а глубинная семантика идеологических шаблонов типа «Родина-мать» или «Отец народа» отсылает еще к верхнему палеолиту, где началось разделение управляющих миром психических энергий на верхние (женские) и нижние (мужские). В дальнейшем диспозиции неолитических религий претерпели многочисленные и многообразные трансформации, но коренной признак верховного неолитического божества (не важно, мужского или женского) – его способность непредсказуемым образом поворачиваться к подвластному человеку то светлой, то темной своей стороной – прочно засела в глубоких слоях культурно-исторической памяти. Царь-злодей остается «батюшкой» и заступником, и никакие его злодейства не способны поколебать его статус «великого государя». Хрестоматийный пример – мифологизированный образ тов. Сталина, венчающий собой галерею сакрализованных тиранов российской истории.

Главная фобия для подвластного – ужас безвластия, ибо он и есть совершеннейшее воплощение древнего Хаоса. Потому Власть прощается всё. Точнее, любое осуждение ее злодейств психологически блокируется, а любое исходящее от нее насилие заранее оправдывается. Потому в ситуации безвыходного конфликта с Властью (невозможность выполнить ее деспотические требования, неспособность в каких-то пунктах совместить сценарии служения с архаическими родовыми традициями и прочие ситуации, когда «дальше так жить нельзя») человек предпочитает наложить руки на себя, но не восстать против властной воли. Поскольку поднять руку на Власть в РС – дело почти невозможное, избалованная и донельзя развращенная терпеливой покорностью населения Власть может позволить себе куда больше, чем ее иносистемные коллеги. Но именно в силу этого она рано или поздно окончательно теряет чувство реальности. А ведь оно-то и выступает единственным спасением для Властного субъекта, который в *принципе* не способен умерить свой напор на эту самую реальность, неостановимую внешнюю экспансию и бесконечное усиление прессинга на подвластное. Ахиллесова пята русской Власти – неумение останавливаться. При этом Власть в своей иррациональной самонадеянности не признает не только имманентных законов общества, но и законов природы. (Как ни вспомнить здесь расхожую шутку: «Течет вода Угрюм-реки куда велят большевики».)

В закатные эпохи своеобразный мазохизм подвластного приобретает гротескные, трагикомические черты. При всей очевидности ответа на сакраментальный вопрос «кто виноват?», ответ этот в сознание не впускается. Конфигурация мифологического сознания «перехватывает» и перенаправляет его в «горизонтальную» плоскость. Все обозлены и недовольны, никто никому не верит, и очевидный трюизм о том, что «надо менять систему», прекрасно уживается с уныло-депрессивным бредом: «Во всём виноваты враги». Единственная форма, в которой подвластный человек может выразить свой *индивидуальный* протест, – это самопожертвование, которое означает полнейшую партиципацию к сакральной идее при частном несогласии с ее ситуативно-конкретным воплощением в тех или иных поступках Власти. (Вспомним призывы разоружиться перед партией и здравицы тов. Сталину, несущиеся из расстрельных подвалов.) Это мистическое жертвенное самоотречение – одна из сторон непостижимой извне «русской духовности» и пресловутой «загадочной русской души».

А что же есть в РС Должное? О значении для отечественной культуры оппозиции *Должное – Сущее* написано очень много, поэтому ограничусь лишь самыми краткими замечаниями. Мифосемантический комплекс *Должного* наложился на архаическую основу властных отношений в эпоху утверждения на Руси христианства и установления институтов большого общества поверх неизжитой архаики. Метафизическое Должное как неизреченный идеал идеалов заменило стихийное языческое бытование *парадигмой служения*, в чем и обретается до сих пор навязываемый

подвластному смысл его существования. Но большое общество, одухотворенное к тому же христианской эсхатологией, не может, на манер языческого, жить без цели. В качестве таковой выкристаллизовывается *идеократический проект* и его геополитическое воплощение – *империя*⁶. Империя (родина, страна, государство, держава) – не просто мифосемантический коррелят Власти. Это медиатор, связующий ее мистическую ипостась с миром *сущим*, миром презренной реальности. Онтологически неполная и ущербная историческая реальность преобразуется в нечто *действительное*, лишь будучи заключена в сакральное пространство империи. А потому идеократическая империя по понятию своему всемирна. В идеальном плане она является таковой изначально, в плане же историческом ей предстоит стать таковой. Так формулируется «великая цель», которой, разумеется, предстоит раствориться в средствах. Таким образом, эсхатологическая перспектива переводится из духовного плана в исторический, и на метафизическом горизонте появляется точка притяжения (своего рода «странный аттрактор», управляющий из будущего настоящим и даже прошлым), к которой устремляются бесконечные усилия и жертвы подвластного, а парадигма служения наполняется конкретным содержанием.

ПОСЛЕ 1991 ГОДА

Когда в 1917 году обветшавший и изъеденный эрозией буржуазности идеократический проект православной монархии⁷ претерпел инверсию и обновился в форме марксистско-большевистской идеологии мировой революции, то ресурса обновленной мифосемантики хватило на 70 лет. Главное, что произошло в богоспасаемом отечестве после 1991 года, – это *смерть Должного*. Коммунистическая идея как «аттрактор» служения была его *последней* исторической версией. Содержание коммунистической идеологии было в позднесоветские времена откровенно презираемо; над ним смеялись, а единицы искренне верящих в коммунизм считались людьми ограниченными и недалекими. (Профессиональные проводники в «светлое будущее», которые в большинстве и даже начиная, по меньшей мере, с середины 1950-х годов не верили ни в Бога, ни в черта – не в счет.) Однако в постперестроечную эпоху выяснилось, что функции коммунистической идеологии не сводились исключительно к декларируемому ею содержанию. Она выполняла также и формально интегративные задачи, не говоря уже о том, что при всей своей

⁶ Термин *империя* в данном контексте употребляется исключительно как обозначение конкретно-исторических воплощений идеократических проектов. Империи колониальные – явления принципиально иной природы. Разъяснения по этому поводу есть в упомянутых публикациях автора.

⁷ В этом же году православные иерархи обсуждали на Соборе перспективы установления православного креста над Константинополем.

абсурдности она семантизировала органически необходимый для подобного типа общества эсхатологический полюс в картине мира и тем самым направляла и оправдывала парадигму служения всеобщему *мы*. (Это никоим образом не противоречило тотальной разобщенности и незащитности каждого перед молохом Власти.) Но крот истории в очередной раз взмахнул лопатой, и заедающее чужой исторический век средневековое Должное рассыпалось после недолгой перестроечной агонии⁸. Парадигма служения обесмыслилась. Сакральная эсхатология выдохлась окончательно, и мифический «свет в конце тоннеля» погас. Человек РС оказался один на один с дурной наследственностью мироотречения, не уравновешенной более никакими оптимистическими перспективами. Последние не могут создаваться искусственно, и потому поиски с фонарями «национальной идеи» завершились закономерным конфузом. Служить больше некому и незачем, оттого начавшаяся еще в 1970-х годах общая деградация культурно-цивилизационной среды РС приобрела после распада СССР обвальныи характер. (Перечислять признаки и параметры этой деградации не стану: они прекрасно известны.) И наступила «камуфляжная» эпоха. Дело не в дурной моде на хаки и камуфляж в одежде, а в том, что сущности и действительные культурные смыслы окончательно растворились под разнообразными камуфляжными обертками: от оруэлловских демагогических перевертышей до дичайшей эклектики православно-большевистско-нацистского имперства. Что, впрочем, неудивительно: когда крот истории выбрасывает на поверхность очередную порцию земли, вся позитивная мифосемантика, то бишь идеологические прикрытия, облетают «как с белых яблонь дым» и сущность РС предстает «в подлинности голой», то есть в виде самодовлеющей волящей себя воли.

На метафизическом уровне спор сталиниста-державника с либералом-гуманистом о том, позволительно ли приносить человеческую жизнь в жертву государственным интересам, решения не имеет. Последние аргументы в споре, как уже говорилось, в равной степени иррациональны и сводятся к тупиковому противопорю: «можно, потому что так надо» и «нельзя, потому что нельзя». Экзистенциально-ценностные установки всегда апеллируют к мифу, а миф нечувствителен к любым контраргументам и, в особенности, к «чужим» мифам. Между партиципацией к целому и партиципации к себе как высшей и последней целостности, как уже говорилось, не может быть никаких палиаций. Решение данного спора возможно лишь на прагматическом уровне, когда, рассеивая туман абстрактных метафизических рассуждений, мысль отвечает на вопросы: *жизнь какого человека, в каком государстве, на какой исторической стадии, во имя каких конкретных ценностей* и т.д.

---

⁸ На то были, разумеется, не только внутренние, но и внешние, макроисторические причины, связанные, в частности, с глобальными культурно-цивилизационными взаимоотношениями по оси Восток – Запад. Но это особая тема.

и т.п. С историко-прагматической точки зрения позиция подавления личности в угоду любым государственным интересам является ущербной, ибо направлена против общего течения истории, где значение личности неуклонно возрастает⁹. Любая система – система, идущая против этого мейстрима, – в исторической перспективе нежизнеспособна. Кроме того, торговля по вопросу о тех ценностях, во «имя которых можно...», в принципе бессмысленна, поскольку направляет мысль на ложный путь. Дело в том, что отношение к человеку и к подвластному вообще, как к расходному материалу, для РС является не средством, а целью. Ибо величие идеократического проекта измеряется не степенью его осуществления; величие идеи всегда обратно пропорционально мере ее осуществимости, а потому оценивается исключительно исходя из масштаба принесенных жертв. РС в буквальном смысле питается энергией приносимых ей человеческих жизней. Исторический же результат этих жертвоприношений – будь то измеряемые тоннами лагерной пыли издержки строительства социализма, будь то миллионы перемолотых бесчисленными российскими войнами, будь то действительно великие военные победы (как победа в Великой Отечественной войне) – отходит на второй план¹⁰. РС никогда ничему не служит и всегда, довлея сама себе, выступает абсолютной и самодостаточной матрицей социального и, шире, цивилизационного порядка. Поэтому на вопрос «во имя чего?» РС и в камуфляжную эпоху ответа не дает и не даст никогда, хотя, разумеется, в демагогических имитациях такого ответа недостатка нет. Беспомощность симулякров почившего Должного очевидна хотя бы из неспособности Власти выстроить сколько-нибудь убедительный образ будущего. Все греющие душу малых сих мифологемы перемешаны в коктейле под названием «Славное прошлое», о котором, как о всяком покойнике, дозволено говорить либо хорошо, либо ничего. Из невинно-кокетливых ностальгических заигрываний с «совком» в середине 1990-х годов, в условиях мифологического вакуума, развился тяжелый ностальгический невроз. И он не менее явственно свидетельствует об агонии РС со своими «главными песнями о старом» (кажется, так?), чем выкладки экономистов, демографов и социологов.

Не следует думать, что симулякры Должного изобретаются сегодняшним властным субъектом исключительно «для быдла», что сам он абсолютно прагматичен, и никаких ценностей, кроме денег и, разумеется, самой власти, для него не существует. Это верно лишь отчасти. Разумеется, нынешний властный субъект далек от

⁹ В современной западной цивилизации эта тенденция достигла своего предела, и порожденные таким положением дел проблемы, похоже, требуют начала движения в обратном направлении.

¹⁰ Так, в мифоидеологическом комплексе Великой победы, ставшей в советские времена настоящим языческим культом, чудовищность жертв, подлинный масштаб которых до сих пор тщательно скрывается, послужила в глазах подвластного главным фактором дополнительной легитимации РС в ее сталинском варианте.

завиральных идей мирового господства. Об идеократии говорить не приходится хотя бы потому, что никаких идей у властного субъекта сейчас нет и взятыя им неоткуда. Однако, гоня «для быдла» заезженную пластинку имперских мифов – о Кремле как о пупе Земли; о вражеском окружении; о том, что «нас все обижают»; о том, что Россия, несмотря ни на что, *über alles*, и т.д. и т.п. – властный субъект одной частью своего сознания понимает всю пустоту и бесплодность этих *демагогем* (предлагаю узаконить этот неологизм в качестве термина). В другой части своего сознания он не может избавиться от психологической наследственности *традиционного властного субъекта РС*. Одних наворованных миллиардов мало. Нужно еще и *это*. Хотя бы немного, хотя бы чуть-чуть, хотя бы понарошку, только на уровне слов и понтов (терпеть не могу приклатненную лексику, но тут лучшего слова не подберешь). И ради сладостных переживаний *себя-в-мифе* можно пожертвовать презренными рациональными резонами. Но ввиду нарастающей неадекватности такого поведения, жертвы эти уводят исторически нисходящую линию РС в катастрофический сценарий.

По сути, катастрофой был для России / СССР весь прошлый век. В оценке глубинных, скрытых внешними историческими обстоятельствами самоорганизационных мотивов этого периода я полностью согласен с моим коллегой И. Яковенко: чудовищные жертвы были не чем иным, как *формой самоуничтожения нежизнеспособной и не имеющей исторических перспектив системы*. И дело не в том, что коммунистический проект был отвергнут миром, а в том, что РС по самой своей культурно-антропологической парадигме и типу мифообразования остро неадекватна своим собственным универсалистским претензиям. А последние, в свою очередь, неадекватны ценностным диспозициям современного мира. Потому РС, не способная к развитию и самоизменениям, оказывается внутренне нежизнеспособной и неконкурентоспособной во внешнем культурно-цивилизационном контексте.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Распад СССР, переломивший хребет РС, был первым этапом распада геополитической империи¹¹. После этого маятник истории закономерным образом качнулся в сторону стабилизации. Но стоило СССР, ужатому до формата России, лишь немного отодвинуться от края исторической пропасти, как имперские комплексы РС выиграли с новой силой. Так была пройдена, по-видимому, *последняя историческая развилка*, дающая шанс выйти из РС без глобальных потрясений. Упустив этот шанс, Россия лишилась последней возможности запрыгнуть на подножку стремительно наби-

¹¹ В советские времена слово «империя» применительно к СССР было под запретом, что, разумеется, не меняет сути дела.

рающего скорость поезда истории¹². Будущего у РС нет, и потому дальнейший распад России, по-видимому, неизбежен. Культурно-психологический потенциал интеграции на наших глазах сжимается как шагреновая кожа, а на другой чаше весов нет ничего, кроме инерции, страха неопределенности и краткосрочных обстоятельств политико-экономического характера. Близок момент, когда хаос, порождаемый самой Властью, перевесит страх хаоса безвластия. И тогда вмиг порвутся незримые нити партиципационных зависимостей: «Отец наш окажется не отцом, а сукою» (А. Пионтковский), по внешне непонятым причинам перестанут выполняться свирепые приказы, преданные псы оскалятся на своих хозяев, верные холопы побегут врассыпную, а наркотик имперских мифов утратит силу и способность оказывать пьянящее воздействие на массовое сознание. Уже сейчас трудно не заметить, что морда усатого кучера роскошной золушкиной кареты начинает приобретать зловещие крысиные черты, а в самой карете становится слишком много тыквенных семечек. Для умирающих империй крот истории роет могилу в ускоренном темпе. Как всё это будет происходить, каков будет процесс распада – не знает никто, да это и не важно. Жизнь в историческом императиве окончилась для РС поражением в холодной войне и завершением миссии глобального противостояния Западу. Дальнейшее диктуется имманентной диалектикой РС как таковой (со всеми ее прихотливыми извивами и случайностями¹³). Главное то, что РС живет в головах. Распад России сам по себе автоматически ее оттуда не вычистит – всего лишь даст еще один шанс, уже в гораздо более скромном геополитическом формате, перестроиться на *лично ориентированный* путь, *принципиально несовместимый с метастазами РС*. Если же для такой перестройки (не в горбачевском, разумеется, смысле) силенок не хватит и РС и в этом формате¹⁴ сумеет себя сохранить, тогда нас ждет «византийский» сценарий со всеми вытекающими из него печальными последствиями.

¹² Здесь уместно вспомнить о том, что в российском общественном сознании так и не укоренилась идея *историзма*. Сознание это не только остается, по сути своей, фольклорно-мифологическим, но и всякие попытки «вписаться в историю» вызывают у него глубокое отторжение. Потому к известной сентенции, что «имперский этнос не имеет нации», можно добавить, что он не имеет и исторического самосознания. Об этом удачно сказал философ В. Ковалев: «Россия бесконечно волянила в истории, дожидаясь ее конца».

¹³ Среди книг, отчасти проливающих свет на эти извивы, – коллективная монография «В поисках теории Российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера» (М., 2009).

¹⁴ Однажды я заметил, что карта Советской республики 1918 года в момент наиболее интенсивного наступления Белой армии почти полностью совпадала с картой Московского княжества XIV века накануне начала экспансивного собирания земель. Поистине, «заколдованная» территория.